

Научная статья
УДК 343.5
doi: 10.17223/22253513/54/4

Преступления против прав семейственных по Уголовному уложению 1903 г. Взгляд в прошлое через призму современности

Пётр Александрович Скобликов¹

¹ *Институт государства и права Российской академии наук,
Москва, Россия, skoblikov@list.ru*

Аннотация. Исследование нацелено на выявление предпосылок установления ответственности за совершение преступных деяний против прав семейственных и особенностей этой ответственности по Уголовному уложению 1903 г. Очерчен вектор трансформации современных взглядов западной цивилизации, под значительным влиянием которой длительное время находилась постсоветская Россия, на семейные отношения, брак и их роль в обществе. Приведены и сопоставлены западноевропейские и отечественные правовые идеи о задачах и границах уголовно-правовой охраны семейных отношений в период, предшествующий принятию Уголовного уложения 1903 г. Указано, чем руководствовались его разработчики при конструировании соответствующих норм. Дан обзор составов преступных деяний и представлена классификация соответствующих посягательств. Сформулированы основные отличия от Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в вопросах ответственности за совершение рассматриваемых деяний. Раскрыт их родовой объект и показано, в какой мере религиозные интересы и ценности выступали дополнительным объектом защиты в обоих уложениях.

Ключевые слова: Уголовное уложение 1903 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, преступные деяния против прав семейственных, уголовно-правовая охрана семейных отношений, смена пола, объект преступного посягательства, религиозные ценности

Для цитирования: Скобликов П.А. Преступления против прав семейственных по Уголовному уложению 1903 г. Взгляд в прошлое через призму современности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 54. С. 47–71. doi: 10.17223/22253513/54/4

Original article

doi: 10.17223/22253513/54/4

Crimes against family rights under the Criminal Code of 1903 of the Russian Empire. A look into the past through the prism of modernity

Petr A. Skoblikov¹

¹ Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, skoblikov@list.ru

Abstract. The research presented in the article is aimed at identifying the prerequisites for establishing responsibility for committing criminal acts against family rights, as well as the features of this responsibility under the Criminal Code of the Russian Empire in 1903. The methodological basis of the study was the principles of the dialectical method of cognition (objectivity and comprehensiveness of the object of study, historicism, universal connection of phenomena, consistency). In the course of the research, general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction, description, comparison, generalization, structuring, analogy) and private scientific methods (historical-legal, comparative-legal, sociological, legal modeling, legal forecasting) were used. The article outlines the vector of transformation of modern views of Western civilization (under the significant influence of which post-Soviet Russia has been for a long time) on family relations, marriage and their role in society. The thesis is put forward that the interest in the past, the choice of certain topics for research, this or that assessment of long-standing events are largely determined by the present in which researchers are staying, as well as the expected future.

In the form of a brief historical digression, foreign (Western European) and domestic legal ideas about the tasks and boundaries of the criminal law protection of family relations in the period preceding the adoption of the Criminal Code of 1903 are presented and compared with each other. It is indicated what the developers of this Code were guided by when designing the relevant norms. An overview of the components of criminal acts against the rights of family members according to this legal act is given, and a classification of the corresponding encroachments is presented. Based on the results of the comparative legal analysis, the main differences between the Criminal Code of 1903 and the previous codified criminal law act (the Code on Criminal and Correctional Punishments as amended in 1885) in matters of responsibility for committing criminal acts against the rights of the family are formulated. The generic object of such encroachments is revealed, and it is shown to what extent religious interests and values acted as an additional object when committing the acts under consideration provided for in both of these statutes.

Keywords: The Criminal Code of the Russian Empire of 1903, the Code of the Russian Empire on Criminal and Correctional Punishments, criminal acts against family rights, criminal and legal protection of family relations, sex change, the object of criminal encroachment, religious values

For citation: Skoblikov, P.A. (2024) Crimes against family rights under the Criminal Code of 1903 of the Russian Empire. A look into the past through the prism of modernity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 54. pp. 47–71. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/54/4

В марте 2023 г. исполнилось 120 лет с момента утверждения императором Николаем II Уголовного уложения, явившегося крупной вехой в истории российского уголовного законодательства. Этот кодифицированный правовой акт, продолжительность и обстоятельность работы над которым беспрецедентны для отечественного законотворчества, послужил предметом для огромного множества исследований, однако тема ответственности по нему за преступные деяния против прав семейственных до сих пор остаётся в тени, что несправедливо и неправильно.

I. Трансформация современных взглядов на семейные отношения, брак и их роль в обществе

Интерес к прошлому, выбор определенных тем для исследования, та или иная оценка давних событий во многом определяются настоящим, в котором пребывают исследователи, а также предполагаемым будущим.

Третье десятилетие XXI в. характеризуется тектоническими сдвигами во взглядах и представлениях о семье и браке, лежащем в основе традиционной семьи, правах и обязанностях родителей и детей по отношению друг к другу, способах и содержании воспитания и образования несовершеннолетних, границах их свободы и приоритетных направлениях развития, тех ценностях и нравственных ориентирах, которые должны прививаться в семьях, а также в рамках школьного и дошкольного образования.

В перечень основополагающих демократических ценностей, с недавних пор признаваемых в значительном количестве государств (число их неуклонно растёт), вошли: однополая семья; право человека произвольно определять и менять свой пол, причём данным правом наделяются несовершеннолетние и даже малолетние лица, а родители обязаны не чинить им в этом препятствия; ничем не ограниченное многообразие полов; различные привилегии для сексуальных меньшинств; и др.

Перечисленные ценности закрепляются в законодательствах ряда стран, прежде всего, относящихся к западной цивилизации. Их напористо пропагандируют через СМИ, а также произведения культуры, как безусловные и прогрессивные, обеспечивают правовой охраной, продавливают с использованием политических и экономических рычагов в других странах, не принимающих данные ценности¹.

¹ Среди них Венгрия, где 8 июля 2021 г. начал действовать так называемый закон о гей-пропаганде, который запрещает распространять среди несовершеннолетних материалы, поощряющие изменение пола или гомосексуальность. Реакция последовала незамедлительно. Председатель Еврокомиссии (высший орган исполнительной власти Европейского союза, в который входят большинство государств Европы) Урсула фон дер Ляйен назвала закон «отвратительным» и потребовала его отмены. 14 стран Европейского союза – Бельгия, Дания, Эстония, Финляндия, Франция, Германия, Ирландия, Латвия, Литва, Люксембург, Нидерланды, Испания, Швеция, а позже и Италия – выступили с заявлением, в котором осудили венгерский закон, назвав его «вопиющей формой дис-

Отрицаются традиционные социальные роли отца и матери; исключаются из оборота как дискриминационные и запрещаются в официальных документах сами эти термины, тем самым отменяются обозначаемые ими понятия. Пророчества сатирических романов-антиутопий становятся реальностью¹. Так, осенью 2022 г. Британская ассоциация местного самоуправления запретила членам муниципальных советов использовать термины «мама» и «папа». Их предлагается заменять на словосочетание «биологический родитель»². Ранее в рамках дебатов по законопроекту «Доверие к школе» Национальное собрание (нижняя палата парламента) Франции проголосовало за поправку, которая предписывает заменить в школьных формулярах понятия «отец» и «мать» на «родитель 1» и «родитель 2». По мнению французского философа и теолога Бертран Вержели, эта инициатива направлена на то, чтобы изменить общество и заставить его принять новый тип семейных отношений – однополые браки, в которых по определению не может быть отца и матери и где не рождаются совместные дети. Чтобы изменения приобрели масштабный характер, их необходимо закрепить официально, лучше всего – законом. Кроме того, нужно формировать соответствующие взгляды с самого юного возраста. Если дети привыкнут с малых лет слышать не «отец и мать», а «родитель 1» и «родитель 2», общество достаточно быстро изменится и примет новую семью³.

криминации и стигматизации в отношении людей из-за их сексуальной ориентации, гендерной идентичности и самовыражения». См.: Мисник Л. «Переделать Европу под себя»: как венгерский закон об ЛГБТ разваливает ЕС // Газета.ру. 2021. 8 июля. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/07/08_a_13713428.shtml (дата обращения: 20.11.2023).

¹ Один из них – знаменитый роман «Прекрасный новый мир» английского писателя Олдоса Хаксли (опубликован в 1932 г., оригинальное название «Brave New World»). Его действие происходит в XXVI в. нашей эры, где института брака не существует, слова «мать» и «отец» считаются ругательствами, детей производят фабричным способом и с раннего возраста для них обязательны сексуальные игры. Вот примечательный диалог из этого произведения:

«– Люди были раньше... – он замялся; щеки его залила краска. – Были, значит, живородящими.

– Совершенно верно. – Директор одобрительно кивнул.

– И когда у них дети раскупоривались...

– Рождались, – поправил Директор.

– Тогда, значит, они становились родителями, то есть не дети, конечно, а те, у кого... – бедный юноша смутился окончательно.

– Короче, – резюмировал Директор, – родителями назывались отец и мать.

Гулко упали (трах! тарак!) в сконфуженную тишину эти ругательства, а в данном случае – научные термины».

² См.: Moyes Stephen. MUM'S NOT THE WORD. Bonkers ruling bans councils from using everyday words including 'mum' and 'dad' // The Sun. 2022. 5 Oct. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/20018635/councils-banned-words-including-mum-dad/> (дата обращения: 16.01.2023).

³ См.: BEAUCOUP PLUS QU'UNE CASE SUR UN FORMULAIRE. Parent 1 / Parent 2: derrière "l'ajustement administratif", une lourde offensive idéologique // Atlantico. 2019. 14 février. URL: <https://atlantico.fr/article/decryptage/parent-1--parent-2--derriere-l->

Однако самая опасная новация заключается в том, что смену пола навязывают несовершеннолетним, порой – малолетним, всё чаще игнорируя при этом позицию их родителей. Так, осенью 2022 г. губернатор штата Калифорния (один из самых крупных и густонаселённых регионов США) подписал закон, позволяющий не учитывать мнение родителей, если ребенок хочет сменить пол. Руководство штата обязало врачей не передавать родителям медицинские сведения о ребенке, если они связаны с «гендерной идентичностью». Более того, если родители выступают против смены пола своих детей, они могут быть лишены родительских прав и, таким образом, никак не могут помешать своим несовершеннолетним принимать различную гормональную «терапию», калечащую их и физически, и психически, лишаящую возможности иметь потомство. Легализация смены пола детям произошла уже во многих странах Запада. Получать соответствующее «лечение» могут дети в Британии, Дании и Норвегии. В Канаде, как и в Калифорнии, для этого подросткам не нужно получить согласия родителей¹. Схожий закон разработан в одном из штатов Австралии. Для смены пола там подростку с 16 лет не нужно будет представлять медицинское заключение о расстройстве гендерной идентичности, как это требовалось ещё в начале 2023 г., и получать согласие родителей, достаточно свидетельства одного взрослого, «который знает подростка не менее года». Ну а подростки в возрасте от 12 до 15 лет смогут оспорить в суде возражения родителей на смену полу². Современная гендерная политика, проводимая в средних школах Англии, поощряет смену пола учащимися и пропагандирует тезис о наличии у людей множества полов, помимо мужского и женского³.

ajustement-administratif-une-lourde-offensive-ideologique-bertrand-vergely (дата обращения: 20.11.2023).

¹ См.: Сысоев И. В Калифорнии разрешили детям менять пол без согласия родителей // Российская газета. 2022. 4 окт.

² Lawyers warn of 'unintended consequences' in birth certificate reforms. A plan to make it easier to change sex on Queensland birth certificates, or list none at all, could cause problems for courts and government departments // The Australian. January 16, 2023. URL: https://www.theaustralian.com.au/subscribe/news/1/?sourceCode=TAWEB_WRE170_a&dest=https%3A%2F%2Fwww.theaustralian.com.au%2Fnation%2Flawyers-warn-of-unintended-consequences-in-birth-certificate-reforms%2Fnews-story%2F824108ad489e98a876fa0c21a20575ea&memtype=anonymous&mode=premium&v21=dynamic-groupb-control-noscore&V21spcbehaviour=append

³ Газета Daily Mail в статье от 30 марта 2023 г. сообщила следующее. С 2022 г. британская информационная система управления (она, как утверждается, установлена в 19 тысячах школ Англии и более чем в 40 иных странах) позволяет учителям добавлять различные местоимения к сведениям об учениках, исходя из их заявлений. В свою очередь, любой ученик помимо местоимений «he» (он) или «she» (она) может идентифицировать себя как «they» (они), а также использовать по отношению к себе неоместоимения: «Zie», «Sie», «Ey» или «E». В этой же публикации размещены весьма показательные данные о недавнем опросе, в ходе которого исследователи опросили представителей 304 средних школ Англии, выясняя, какова школьная политика в отношении детей, идентифицирующих себя как противоположный пол, а также в отношении смены детьми имен, местоимений, прически и униформы. Из 154 ответивших только 39 заявили, что сообщат

Точности ради надо заметить, что постсоветской России не удалось избежать влияния описанных процессов. В определенный момент, причём довольно давно, в конце XX в., отечественное законодательство стало дрейфовать в том же направлении. Любой гражданин на основании ст. 70 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» до последнего времени имел право обратиться в органы ЗАГС с заявлением о смене своего пола и, таким образом, из мужчины превратиться юридически в женщину, а также наоборот. Соответственно, в семье появлялись две мамы или два папы, а родителя противоположного пола ребёнок лишался. Для этого в соответствии Приказом Министерства здравоохранения РФ от 23 октября 2017 г. № 850н достаточно было представить справку об изменении пола по форме № 087/у, а точнее – о половой переориентации. Справка выдавалась комиссией из трех специалистов: врача-психиатра, врача-сексолога и медицинского психолога. Хирургическая смена пола не требовалась. При этом в законодательстве не было запрета на повторный переход (из одного пола в другой и обратно). Лишь 4 августа 2023 г. названный приказ утратил силу – после принятия Федерального закона от 24.07.2023 № 386-ФЗ, запретившего смену пола (за исключением лечения врождённых аномалий, генетических и эндокринных заболеваний).

Дальнейшее расширение изложенных выше практик в пределе чреватой деградацией и вырождением человечества, чем даёт дополнительный стимул к изучению памятников отечественного права в разрезе того, как в них решался вопрос об охране традиционных семейных отношений. Изучение прошлого может помочь лучше понять настоящее и планировать будущее, более успешно противостоять неолиберальным ценностям в правовом поле, разрабатывать и проводить эффективную правовую политику в сфере семейных отношений и воспитания нового поколения.

II. Обзор составов преступных деяний против прав семейственных по Уголовному уложению 1903 г.

В Уголовное уложение 1903 г. (далее – Уложение 1903 г.) включена глава девятнадцатая, которая предусматривает ответственность за *преступные деяния против прав семейственных*. Эта глава по случайному совпадению охватывает также девятнадцать статей. Статьи лишь пронумерованы, названий не имеют и не группируются в параграфы либо иные разделы. Наряду с

родителям, как только ученик выразит желание изменить пол, а 87 заявили, что не будут этого делать. Кроме того, было обнаружено, что около 28% попавших в выборку школ (т.е. почти треть) не имеют раздельных туалетов для юношей и девушек, а 19% (практически пятая часть) не имеют раздевалок отдельно для юношей и девушек. Причём, как следует из контекста, так устроено не из-за скудного школьного финансирования, это проявление продуманной политики. См.: Connor Stringe and Martin Beckford. EXCLUSIVE: School record-keeping system now allows teachers to add pupils' pronouns – and students can choose to identify as 'they', 'Zie', 'Sie', 'Ey' or 'E' // Daily Mail Online. 2023. 30 March. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-11920889/School-record-keeping-allows-students-identify-Zie-Sie-Ey-E.html> (дата обращения: 20.11.2023).

этим количество конкретных составов преступления и проступков, предусмотренных в главе, как это обычно бывает в кодифицированных уголовно-правых актах, превышает количество статей. Если исходить из современных представлений о составе преступного деяния, то можно выделить в рассматриваемой главе следующие составы:

- принуждение одним из брачующихся другого брачующегося ко вступлению в брак (ч. 1 ст. 408);
- принуждение третьим лицом одного брачующегося или обоих ко вступлению в брак (ч. 2 ст. 408);
- вступление в брак с лицом, которое заведомо не могло понимать свойства и значение своих действий или руководить своими поступками (ст. 409);
- вступление в брак посредством обмана жениха или невесты (ст. 410);
- заведомое вступление в кровосмесительный брак (ст. 411);
- вступление в новый брак при существовании прежнего супруга в отсутствие разрешения, предусмотренного законом на такой брак (ст. 412);
- заведомое участие духовного лица христианского вероисповедания в совершении преступного брака (ст. 413);
- вступление в брак лица, достигшего брачного совершеннолетия, с лицом, такого совершеннолетия не достигшего (ст. 414);
- вступление лица христианского вероисповедания с заведомо нехристианином (ст. 415);
- вступление в брак с родственником, степень родства с которым не считается кровосмесительством, но делает брак недействительным (ст. 416);
- увоз незамужней для вступления в брак с её согласия, но без согласия её родителей, при условии, что эта женщина достигла брачного совершеннолетия, но при этом моложе двадцати одного года (ст. 417);
- супружеская измена (ст. 418);
- прелюбодеяние с лицом, заведомо для виновного состоящим в браке (ст. 418);
- отказ доставлять пропитание и содержание своим, заведомо в том нуждающимся родителям, если виновный имел для этого средства (п. 1 ст. 419);
- упорное неповиновение родительской власти либо грубое обращение с матерью или законным отцом (п. 2 ст. 419);
- вступление в брак вопреки решительному воспрещению матери или законного отца, если виновный не достиг двадцати одного года (п. 3 ст. 419);
- жестокое обращение с несовершеннолетним со стороны опекуна, попечителя или лица, имеющего надзор за несовершеннолетним (п. 1 ст. 420);
- обращение к нищенству или иному безнравственному занятию, либо отдача для этой цели подопечного, не достигшего возраста семнадцати лет, совершенное опекуном, попечителем или лицом, имеющим надзор за этим несовершеннолетним (п. 2 ст. 420);
- принуждение к вступлению в брак подопечного, не достигшего возраста двадцати одного года, совершенное опекуном, попечителем или лицом, имеющим надзор за этим несовершеннолетним, при условии, если брак состоялся (п. 3 ст. 420);

– отдача на промышленное предприятие для трудоустройства малолетнего, не достигшего установленного возраста, осуществленная опекуном, попечителем или лицом, имеющим надзор за малолетним (ст. 421);

– принуждение со стороны опекуна или попечителя к браку с ним лица, не достигшего возраста двадцати одного года, путём злоупотребления своей властью, если брак последовал (ст. 422);

– оставление без надлежащего надзора малолетнего или иного лица, если вследствие этого поднадзорный совершил преступление (ст. 423);

– не заявление о чьём-либо рождении или смерти уполномоченному лицу, ведущему метрические книги или записи об этом, в случае, когда виновный был обязан сделать заявление (ст. 424);

– невнесение сведений о рождении, смерти или бракосочетании в метрические книги или записи лицом, духовным лицом неправославного вероисповедания либо служащим, обязанным их вести (ст. 425);

– невнесение по небрежности в метрические книги или записей о рождении, смерти или бракосочетании надлежащих сведений духовным лицом неправославного вероисповедания либо служащим, обязанным вести указанные книги или записи (п. 1 ст. 426).

– внесение по небрежности в метрические книги или записей о рождении, смерти или бракосочетании неверных сведений духовным лицом неправославного вероисповедания либо служащим, обязанным вести указанные книги или записи (п. 2 ст. 426).

– неисполнение установленных законом или обязательным постановлением правил о порядке ведения или хранения метрических книг или записей о рождении, смерти или бракосочетании, а равно о предоставлении их в места, установленные законодательством, если деяние совершено духовным лицом неправославного вероисповедания или служащим, обязанным вести указанные книги или записи (п. 3 ст. 426).

Обращает на себя внимание то, что рассматриваемая глава не закрепляет какие-либо квалифицированные составы преступных деяний. Напротив, в одну из статей главы (ст. 415) включена вторая часть, описывающая основание для освобождения от наказания за предусмотренное в статье деяние (возникновение обстоятельства, нивелирующего возможный вред от преступления определенного вида). Слово «примечание» в этом месте законодательного текста отсутствует, и формально данный фрагмент является частью статьи, однако по содержанию и сути («виновный освобождается от наказания, если вступивший с ним в брак нехристианин во время существования брака принял христианство») – это примечание, т.е. некое пояснение, дополнение к основному тексту статьи закона, если пользоваться терминологией современного уголовного законодательства¹ [1, 2].

¹ Всего в Уложении 1903 г. насчитывается две такие конструкции: уже упомянутая ч. 2 ст. 415 и ч. 3 ст. 367 (в последней предусмотрено освобождение от уголовной ответственности рабочих, принявших участие в стачке, если они по требованию властей или заведующего предприятием приступили к работе). Современный российский Уголовный

С учётом общих положений, сформулированных в ст. 3 гл. 1 «О преступных деяниях и наказаниях вообще» Уложения 1903 г., лишь одно предусмотренное там преступление (ст. 408) относится к категории тяжких (поскольку виновному грозит каторга), при этом пятнадцать деяний относятся к категории проступков: ст. 414–419, 421, 423, 424, 426 (в качестве наиболее строгого – «высшего» – наказание за их совершение предусмотрен арест или денежная пеня), ну и остальные следует причислить к категории преступлений (рядовых, заурядных). Самое распространённое наказание в главе девятнадцать – арест, который по свойству мягкости уступает лишь денежной пене (ст. 2 Уложения 1903 г.), предусмотрен в семи статьях главы и мог быть назначен на срок до шести месяцев (ст. 21 Уложения 1903 г.).

Юридические конструкции и приёмы, использованные при создании главы девятнадцать, выглядят вполне современно, если заменить некоторые устаревшие или ушедшие из юридического лексикона слова на более привычные (например, заменить местоимение «онья» на «них», «сему» на «этому» и т.д.). Причем текст написан доступным и, как правило, не допускающим разночтений языком. В то же время юридическая техника данной главы не безупречна. В одних случаях законодатель делит статьи на пронумерованные части (ст. 408), в других – статья не имеет частей, но распадается на пронумерованные пункты (ст. 419, 420 и 426) либо имеет части, при этом одна из них делится на пункты (ст. 413).

III. Зарубежные и отечественные идеи о задачах и границах уголовно-правой охраны семейных отношений. Краткий исторических экскурс

Чем руководствовались разработчики Уложения 1903 г. при создании его девятнадцатой главы? Для ответа на этот вопрос целесообразно прибегнуть к небольшой исторической справке. 11 декабря 1879 г. российский император Александр II поручил министру юстиции Д.Н. Набокову и главному управляющему II отделением собственной канцелярии князю С.Н. Урусову составить план работ по подготовке нового уголовного закона. Этот план был представлен 22 апреля 1881 г. Далее предполагалось формирование специальной редакционной комиссии, на которую возлагалось составление проекта Уложения и пояснительной записки [3. С. 248–249]. В комиссию вошли ведущие отечественные учёные в области уголовного права – Н.С. Таганцев

кодекс под флагом либерализации и гуманизации уголовной ответственности регулярно дополняется всё новыми примечаниями к статьям Особенной части, регламентирующими условия освобождения от ответственности (наказания). Этот инструментарий получил настолько широкое распространение (на начало 2023 г. в Особенной части насчитывалось более 40 статей, имеющих соответствующие примечания), что появились специальные исследования (см., напр., работы С.Н. Рубановой, В.В. Сверчкова), где делается попытка прояснить юридическую природу таких примечаний и разобраться с проблемами, возникающими при их применении.

и И.Я. Фойницкий, Н.А. Неклюдов и В.К. Случевский [4. С. 188]. Состоялось более пятидесяти заседаний данной комиссии (далее – Редакционная комиссия). Проект был разослан в заинтересованные ведомства, университеты и юридические общества, известным зарубежным учёным. Все поступившие замечания тщательно рассматривались [5. С. 196].

В апреле 1895 г. разработанный законопроект, а также восьмитомная сопроводительная записка были переданы в Министерство юстиции, которое направило его для согласования в различные ведомства [6. С. 56]. Причём сопроводительная записка была опубликована в полном объёме на всеобщее обозрение, и этот материал представляет большую ценность для уяснения замысла разработчиков Уложения 1903 г. и его содержания.

Комментарий Редакционной комиссии относительно главы проекта, предусматривающей ответственность за преступления против прав семейственных, предваряется изложением результатов сравнительно-правового анализа, фактически – теоретического исследования промежуточного вида, произведённого на уровне нескольких правовых систем (если воспользоваться современными классификациями подобных исследований) [7]. В этом исследовании сопоставляются в их историческом развитии западноевропейские и отечественные уголовно-правовые институты, предусматривающие ответственность за деликты в области семейных отношений [8. С. 152–157].

Имеет смысл показать основные тезисы данного исследования, поскольку они позволяют сделать вывод о том, что *российское уголовное законодательство XVIII и XIX вв. в рассматриваемой части принципиально отличалось от западноевропейского, здесь проявилась его оригинальность и основательность*. Причём разработчики Уложения 1903 г. намеревались сохранить существующий вектор развития.

Исходная точка, аксиома сравнительного анализа: *семья есть необходимое условие общежития, первичная и прочнейшая основа государства. Ограждение её вызывается интересами не только отдельных частных лиц, её членов, но и общими интересами всего государства*. Сознание этой мысли было чуждо древнему праву. Переход от частного взгляда на эти посягательства сделан каноническим правом¹ [9]. Введя в брак религиозное таинство, оно расширяет по делам брачным и семейным духовную юрисдикцию, ограничившую дисциплинарную власть отца семейства и послужившую переходную ступенью от неё к режиму государственных судов. Однако и в каноническом праве постановления о посягательствах против союза семейного не объединились, и в основании многих из них лежат римские конструкции.

¹ Современные исследователи (напр., Г.Д. Салманова) вкладывают в этот термин широкое содержание, понимая каноническое право как разновидность социальных норм, установленных *различными* вероисповеданиями и имеющих ту или иную веру. В объяснениях Редакционной комиссии, по всей видимости, имеются в виду лишь нормы Римско-католической церкви либо (что менее вероятно, но возможно) – нормы христианской церкви до её разделения на православную и католическую.

Явление это продолжалось на Западе почти вплоть до появления Уголовного кодекса Франции 1810 г. (один из кодексов эпохи Наполеона, с определенными поправками действовал до 1994 г.), который коренным образом изменил взгляд на брак, охраняя его как важный гражданский договор и как одно из условий гражданского состояния личности (*état civil*). Западно-европейское право почти всецело ограничивает посягательства против союза семейного двумя понятиями: одно, имеющее в основании римское (*suppositio partus*), некоторыми кодексами применяется исключительно к детям, но в других получило уже более общее значение непереходящего в подлог, а иногда совпадающего с ним, сокрытия или изменения гражданского состояния личности; другое, дополняющее наказуемую область обмана и охватывающее вступление в брак посредством умолчания о существующем к браку препятствии или посредством обмана об обстоятельствах, ввиду которых брак может быть расторгнут; причём во всех западноевропейских законодательствах обуславливалась наказуемость последнего деяния расторжением брака по жалобе потерпевшего (если излагать в терминах современного российского законодательства, такие преступления преследовались в порядке частного обвинения). Прочие посягательства против семейного союза трактуются как особые деликты (прелюбодеяние, многобрачие, кровосмесительные браки) в других отделах уголовных кодексов, в качестве основного объекта посягательства у них выступают иные блага. Или же они охватываются общими и весьма широкими определениями о насильственных действиях и подлогах¹.

Иными путями складывалась система русского законодательства по этому предмету, как указывала Редакционная комиссия. В основание его легло не римское понятие *suppositio partus* (подмена ребёнка), исходившее из частного интереса отдельной личности, а *более широкая идея охранения свободы брака и прочности семейных отношений*, идея, провозглашённая как противовес устоявшемуся под влиянием крепостного права старорусскому началу. Последнее выражалось в крайнем расширении родительской власти, несвободном заключении браков и полной зависимости домочадцев от главы семьи².

Со времени Петра I и Екатерины II государство берёт эту прогрессивную идею под свою охрану, запрещает родителям и помещикам принуждение детей и крепостных к браку и поступлению в монашество, устанавливает более равноправные отношения между родителями и детьми, наказывает

¹ В подтверждение в объяснениях Редакционной комиссии вкратце разбираются соответствующие разделы германского, венгерского и голландского уголовных кодексов.

² В подкрепление этого вывода сделана ссылка на Соборное уложение – свод законов Русского царства, принятый Земским собором в 1649 г. и, с определенными изъятиями и изменениями, действовавший 1832 г. Из посягательств против семьи Соборное уложение предусматривает единственно преступления детей против родителей (гл. XXII ст. 3–5), запрещая вместе с тем детям обращаться в суд на родителей и предписывая виновных «за такое челобитье бити кнутомъ и отдати ихъ отцу и матери» (ст. 6). Из преступлений родителей против детей предусмотрено только лишение жизни.

браки по насилью и обману, запрещает присвоение чужого имени и состояния «с учинением какого-либо вреда». Вместе с этой крупной реформой шла и другая. Отечественное законодательство всегда исходило и в конце XIX в. *продолжало исходить из взгляда на брак как на институт, в основе своей имеющий религиозные начала*. Но в то время как законодательство древнерусское предоставляло дела брачные и семейные почти всецело духовной юрисдикции, государство в начале XVIII столетия берёт решительный перевес в политическом отношении над церковью и принимает её в своё ведомство, в свою опеку, как подчинённое учреждение¹ [10. С. 17]. *С этого времени начинается решительное разграничение ведомства духовного и светской власти по делам о браках*.

Итак, на рубеже XIX и XX вв. Россия шла собственным путём в вопросах уголовно-правовой охраны семейных отношений, и этот путь исходил из прогрессивных идейных устремлений.

IV. Классификация уголовно наказуемых посягательств на семейственные права по Уложению 1903 г.

Для систематизации посягательств на семейные права разумно взять за основу классификацию, предложенную в объяснениях Редакционной комиссии. Эта классификация проистекает из дифференциации родового объекта посягательства на видовые и непосредственные объекты и помогает лучше понять замысел разработчиков Уложения 1903 г.

Разработчики указывают, что семейственный союз обусловливается *браком* и имеет своими последствиями *права супругов* по отношению друг к другу, происходящие из факта рождения *права детей*, права и обязанности *детей по отношению к родителям и наоборот*, наконец, *союз родственный*. Согласно этому, классификация рассматриваемых деяний начинается посягательствами против союза семейного, которые, в свою очередь, делятся:

1) на посягательства на основание семьи – брак, предполагающий свободное соглашение лиц, способных к браку; сюда относятся деяния, состоящие во вступлении в недействительные браки, по вине ли одного из брачующихся (браки по принуждению или обману) или обоих (браки незаконные), причём преступная деятельность возможна как со стороны брачующихся, так и лиц, уполномоченных государством на заключение браков и их удостоверение (ст. 408–417);

¹ В объяснениях Редакционной комиссии этот тезис не раскрывается, но, по всей видимости, имелась в виду церковная реформа императора Петра I, в результате которой принципиально изменилась система управления Русской церковью – высшим органом её управления стал Святейший правительствующий синод (Духовная коллегия). Члены этого органа назначались российским императором. В законодательстве XIX в., определяющем общие начала государственного строя Российской империи, было установлено, что «в управлении церковном Самодержавная Власть действует посредством Святейшего Правительствующего Синода, Ею учреждённого» (ст. 43 Основных Законов и Учреждений государственных).

2) посягательства на союз супружеский, единственным представителем которых в рассматриваемой главе является прелюбодеяние (ст. 418), так как прочие случаи преступных деяний супругов по отношению друг к другу предусмотрены в других (общих) главах Уложения 1903 г.;

3) преступные деяния детей против родителей, которые не могли быть предусмотрены в других главах Уложения 1903 г., поскольку наказуемость их обусловлена единственно долгом детского почтения; таковы (ст. 419):

а) отказ в пропитании родителям;

б) грубость против родителей и

в) неповиновение законному запрету родителей на вступление в брак, если виновный не достиг возраста 21 года;

4) преступные деяния родителей против детей, наказуемость которых обусловлена единственно родительским долгом попечения о детях; причём к родителям приравнены и лица, их замещающие; сюда относятся (ст. 420–423):

а) жестокое обращение с ребёнком;

б) принуждение несовершеннолетнего к браку;

в) обращение малолетнего к нищенству или безнравственному занятию;

г) неосуществление надлежащего надзора за малолетним со стороны лица, на которого такой надзор возложен в установленном порядке;

5) деяния, ставящие в опасность семейное и гражданское состояние лица неисполнением обязанностей, возложенных на виновного законом с целью обеспечения правильного ведения метрических записей; сюда относятся:

а) незаявление в установленном порядке о рождении или смерти (ст. 424);

б) неисполнение или небрежное исполнение обязанностей по ведению, хранению или предоставлению метрических книг или записей о рождении, смерти или бракосочетании (ст. 425, 426).

V. Основные отличия Уложения 1885 г. и Уложения 1903 г. в вопросах ответственности за совершение преступных деяний против прав семейственных, а также причины этих отличий

В период разработки и после принятия Уложения 1903 г.¹ [11. С. 29] на территории Российской империи действовал другой кодифицированный акт уголовного законодательства – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в редакции 1885 г. (далее – Уложение 1885 г.) Поэтому, чтобы лучше понять новации Уложения 1903 г. в части ответственности за

¹ Императорский Указ о его утверждении от 22 марта 1903 г. не содержал данных о времени и порядке вступления в силу. Решение этого вопроса было оставлено на усмотрение верховной власти. Законом от 7 июня 1904 г. введены в действие лишь постановления о преступных деяниях государственных, а именно: главы 3-я, 4-я, а также отдельные статьи из глав 5-й «О смуте», 7-й «О противодействии правосудию», 21-й «О подлоге» и 37-й «О преступных деяниях по службе государственной и общественной». Затем законом 14 марта 1906 г. введены в действие, со значительными изменениями и дополнениями, постановления главы 2-й «О нарушении ограждающих веру постановлений».

преступления против прав семейственных, целесообразно сравнить положения этих двух нормативных актов.

Как уже сказано выше, в Уложении 1903 г. статьи об ответственности за преступления против семейственных прав сгруппированы в отдельную главу, не имеющую более мелких делений (параграфов и проч.). А вот в Уложение 1885 г. был включён одиннадцатый раздел с соответствующим названием – «О преступлениях против прав семейственных», который составлен из четырех глав:

- первая – «О преступлениях против союза брачного»;
- вторая – «О злоупотреблении власти родительской и преступлениях детей против родителей»;
- третья – «О преступлениях против союза родственного»;
- четвёртая – «О злоупотреблении власти опекунов и попечителей».

В свою очередь, две из этих четырех глав составлены из нескольких отделений.

В первую главу, самую крупную, включены четыре отделения: «О противозаконном вступлении в брак», «О похищении женщин замужних», «О злоупотреблении прав и нарушении обязанностей супружества», «О нарушении постановлений о браках старообрядцев и сектантов».

Во вторую главу вошли два отделения: «О злоупотреблении власти родительской» и «О преступлениях детей против родителей».

В третьей и четвёртой главах отделения не используются.

Нетрудно заметить, что данный порядок размещения статей в главы и отделения в сочетании с их названиями являет собой классификацию преступлений против прав семейственных, и она не требует значительных усилий для восприятия и понимания.

Всего в раздел одиннадцатый Уложения 1885 г. вошли 52 статьи (подавляющее число которых имели по несколько частей), в то время как глава 19 Уложения 1903 г., напомним, вобрала в себя 19 статей (менее половины которых имели части или пункты). Существенная разница в объеме законодательного материала, посвященного рассматриваемой теме, и в количестве статей может быть объяснена несколькими причинами, предопределяющими не только иное количество законодательного материала, но и его другое качество в новом уголовном законе.

Первая причина – детальность изложения, продиктованная стремлением предусмотреть все случаи и возможные проблемы правоприменительной практики и определенным образом разрешить, а как следствие такого подхода – громоздкость законодательного материала в Уложении 1903 г. и другой (менее казуистичный и более абстрактный) подход разработчиков Уложения 1903 г., вследствие чего последнее Уложение значительно компактнее.

Видный российский правовед А.Н. Неклюдов (напомним, один из членов Редакционной комиссии), обращаясь к теме громоздкости законодательного материала в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (лежащего в основе Уложения 1885 г.), объяснял обилие статей в нём сле-

дующим: «...имея в виду невежество и корысть судей, составители Уложения поставили себе целью подробное исчисление мельчайших оттенков преступных деяний, дабы изъять подсудимого из судейского произвола, подчинив его судьбу явному и буквальному смыслу закона» [12. С. 274]. В свою очередь, известный российский и советский правовед М.М. Исаев, отмечая положительную роль судебной реформы 1864 г. для судебной практики, тем не менее, указывал, что и после реформы «невероятная казуистичность Уложения, стремление его взвесить тяжесть преступления на немецких аптекарских весах, весь его архаизм больно отзывались», если суд происходил при отсутствии присяжных [13. С. 44].

Наряду с этим, чтобы оставаться на позиции объективности, следует заметить: детальность правового регулирования имеет и некоторые положительные стороны. Имея в своём распоряжении нормативный акт такого рода, добросовестный, но не очень хорошо образованный правоприменитель (тем более не имеющий в своём распоряжении обширной библиотеки и достаточного времени для работы по делу) с большей вероятностью найдёт законное решение, не допустит ошибки.

Для иллюстрации нашего тезиса смоделируем ситуацию, когда в деянии усматриваются признаки деяния, запрещённого ст. 425 Уложения 1903 г. Согласно этой статье духовное лицо инославного христианского или нехристианского вероисповедания либо служащий, обязанные вести метрические книги или записи о рождении, смерти или бракосочетании, виновные в невнесении в них сведений, которыми обуславливаются гражданские (гражданско-правовые) последствия перечисленных событий, наказываются заключением в тюрьму. Как следует из приведённого текста, духовное лицо православного вероисповедания субъектом данного преступления не является. Нет в Уложении 1903 г. и другой статьи, предусматривающей норму, специальную по отношению к рассмотренной выше, в которой субъектом преступления было бы православное духовное лицо. В связи с изложенным правоприменитель с указанными выше характеристиками, получив соответствующий материал, мог бы отказать в возбуждении уголовного дела и этим ограничиться. Тем самым была бы совершена юридическая ошибка, поскольку православные священнослужители в таких случаях не должны оставаться безнаказанными, они подлежали ответственности по Уставу духовных консисторий¹ [14. С. 78–80].

При этом в Уложение 1885 г. включена ст. 1442, в которой в качестве объективной стороны преступления описаны те же действия, что и в ст. 425

¹ Духовная консистория – коллегиальный административный и судебный орган местного епархиального управления Русской православной церкви. Устав духовных консисторий начал действовать в 1841 г. Консистория функционировала под руководством архиерея и находилась в ведении Святейшего Синода. Особое положение в этом органе занимал секретарь. Он назначался Святейшим Синодом по представлению обер-прокурора без всякого участия местного владыки. Через секретаря обер-прокурор следил за исполнением законных постановлений по духовному ведомству на местах, а заодно и за деятельностью самого архиерея.

Уложения 1903 г., однако в Уложении 1885 г. прямо указано, что в случае их совершения духовные лица православного вероисповедания подвергаются наказаниям, определённым в Уставе духовных консисторий, а духовные лица других исповеданий – уголовному наказанию (строгому выговору или денежному взысканию не свыше двадцати рублей либо удалению от должности). Соответственно, вероятность принятия ошибочного решения резко снижается.

Редакционная комиссия видела главные проблемы применения действующего в то время Уложения 1885 г. в ином. Прежде всего, в том, что *в Уложении 1885 г. для разнородных понятий нередко используются одни и те же названия, а ещё чаще одно и то же понятие в разных местах законодательного текста по-разному именуется, чем вводятся в заблуждение применители закона, включая высшие суды, призванные исправлять судебные ошибки*. Важно также, по мнению Редакционной комиссии, что теоретическое осмысление права в России находилось в худшем положении, чем на Западе, и, как следствие, «наша литература уголовного права, даже по важнейшим вопросам, представляется весьма недостаточною, не может дать практике надлежащей опоры и руководства». По этим основаниям Редакционная комиссия стремилась, во-первых, ввести в проект Уголовного уложения определение наиболее важных из употребляемых в нём терминов, а, во-вторых, сохранить в уголовном законе определения некоторых условий признания деяний преступными, которые не упоминаются в новых западных кодексах, а предоставлены для истолкования науке и практике [15. С. 4].

Вторая причина – полная или частичная декриминализация многих деяний и удаление соответствующих уголовно-правовых запретов из законодательства.

В качестве примеров полной декриминализации деяния можно сослаться на следующие:

– согласно ст. 1577 Уложения 1885 г., подлежали наказанию священники и проповедники христианских вероисповеданий за совершение брака без соблюдения «предостерегательных правил», если на это не было получено специальное разрешение; в Уложении 1903 г. такого запрета нет;

– согласно ст. 1570 Уложения 1885 г., помимо церковного наказания подлежали уголовному наказанию за вступление в новый брак прежде истечения установленных в законе сроков вдовы и вдовы, исповедующие евангелическо-лютеранскую веру, а также супруги, чей брак был признан недействительным; в Уложении 1903 г. такого запрета нет;

– согласно ч. 2 ст. 1549 Уложения 1885 г., в случае похищения незамужней женщины для вступления с нею в брак по жалобе родителей или опекунов к ответственности привлекался не только похититель, но увезённая им женщина, если похищение выполнялось с её согласия. По Уложению 1903 г. описанное деяние незамужней женщины ненаказуемо независимо от её возраста¹.

¹ При этом для полноты картины полезно заметить, что если женщина достигла возраста брачного совершеннолетия, но при этом её возраст моложе двадцати одного года

Третья причина – частичная декриминализация ряда деяний или смягчение ответственности за них (путём упразднения квалифицированных составов), при которой текст новых статей становился лаконичнее их предшественников; лаконичнее в том числе и по тому, что новые статьи в основном состояли не из нескольких частей, а лишь из одной.

В качестве примера частичной декриминализации можно сослаться на изменение пределов ответственности за нарушение ограничений по возрасту при вступлении в брак. Согласно ст. 1563 Уложения 1885 г., наказуемым было вступление в брак раньше или *позднее* возраста, определенного церковными либо государственными законам. Причём наказанию подлежали оба брачующихся. По Уложению 1903 г. этот запрет был сохранён лишь для лица, достигшего брачного совершеннолетия, виновного во вступлении с лицом, не достигшим брачного совершеннолетия (ст. 414). Запрет для вступления в брак лицами преклонного возраста в Уложении 1903 г. не предусматривался. Таким образом, был ограничен круг уголовно наказуемых действий и круг лиц, подлежащих уголовной ответственности за эти действия.

Четвёртая причина – перемещение некоторых уголовно-правовых запретов в другие главы уголовно-правового акта или упразднение специальной нормы с сохранением при этом общей нормы либо включением в уголовное законодательство новой нормы, которая является общей по отношению к упразднённой. Такие изменения обусловлены тем, что у многообъектных преступлений в качестве основного объекта посягательства законодатель в новом законе признается другое защищаемое благо.

В качестве иллюстрации изменения места уголовно-правового запрета в системе уголовного законодательства можно сослаться на ст. 1549 из раздела «О преступлениях против прав семейственных» Уложения 1885 г., предусматривавшую ответственность за похищение незамужней женщины для вступления с нею в брак против её воли. Аналогичное преступление не описывается в девятнадцатой главе «О преступных деяниях против прав семейственных» Уложения 1903 г., однако деяние не декриминализировано, его описание присутствует в ст. 506, размещенной в главе двадцать шестой «О преступных деяниях против личной свободы».

Пятая причина – обобщение ряда уголовно-правовых запретов, включение в законодательство вместо нескольких статей, предусматривающих ответственность за преступления против семейственных права, одной статьи, закрепляющей новую норму – общую, по отношениям к упразднённым специальным нормам.

В качестве примера последних сошлёмся на включенные в Уложение 1885 г. запреты для вступления в брак в сходных случаях для представителей трех направлений христианства. Было наказуемо для православных

(возраста полного совершеннолетия), то в такой ситуации в случае последующего вступления в брак она подлежала ответственности в соответствии с п. 3 ст. 419 Уложения 1903 г. за другое преступление – вступление в брак вопреки решительному воспрещению матери или законного отца.

вступление в брак с нехристианами (ст. 1564), для лиц римско-католического вероисповедания – вступление в брак с нехристианами, а для лиц евангелическо-лютеранского вероисповедания – вступление в брак с магометанами, евреями и язычниками (ст. 1568). В Уложение 1903 г. содержится одна короткая статья, в соответствии с которой любое «лицо христианского вероисповедания виновное во вступлении, вопреки закону, в брак заведомо с нехристианином» подлежало наказанию. Таким образом, в приведённом примере были не только упразднены специальные нормы, на смену которым пришла одна общая норма, но заполнены пробелы в уголовно-правовых заплатах¹ и уравниены перед законом лица разных направлений христианства².

VI. Родовой объект посягательства при совершении преступных деяний против прав семейственных

Под объектом любого преступления разработчики Уложения 1903 г. понимали «интерес или благо, охраняемое выраженной в законе нормою, на которую посягает преступник» [16. С. 7]. Такое представление сформировалось, вероятно, под влиянием идей Н.С. Таганцева (напомним, члена Редакционной комиссии), который в одной из своих работ писал: то положительное, в чем выражается право, – есть интерес, взятый под его защиту; норма права, как реальный элемент общественной жизни, есть охраняемый интерес; на этот интерес и направляет свою деятельность лицо, переступающее веления юридических норм. Этот интерес может входить в юридическую сферу определённого субъекта, и тогда посягательство на интерес будет и посягательством на субъективное право, или же известный интерес охраняется правом, как общественное достояние, или благо, независимо от принадлежности его тому или другому субъекту [17. С. 40]. В свою очередь воззрения Таганцева, по всей видимости, сформировались под влиянием немецких правоведов. В частности, он признавал справедливость позиции Гельштанера, который конкретное правовое благо считал лишь непосредственным объектом посягательства и указывал, что сущность преступления не исчерпывается повреждением, причиняемым конкретному благу; его истинное значение заключается в том противодействии, которое через это оказывается господству права в государстве. Поэтому конечным юридическим объектом, на который посягает преступник, всегда является само государство [17. С. 40].

¹ Как известно, протестантизм не имел (и не имеет) единой церкви. К этому направлению христианства, помимо лютеранства, относятся англиканство, кальвинизм и др., представители которых в Уложении 1885 г. не упоминаются, и можно сделать вывод, что к лицам, принадлежащим к этим конфессиям, запрет на вступление в брак с нехристианами не относился.

² В Уложении 1885 г. за нарушение запрета, сформулированного в ст. 1564, было предусмотрено более строгое наказание, нежели за нарушение аналогичного запрета, закреплённого в ст. 1568.

Охрана семьи, считали разработчики Уложения 1903 г., необходима во имя общественных интересов, ввиду которых *посягательства на семейный союз принадлежат к группе посягательств против условий общежития*. При этом главная задача законодательства, по мысли разработчиков, состоит в ограждении не какого-либо отдельного частного блага того или иного лица, а блага общественного, сводящегося к известным *этическим началам*, подлежащим защите государства как необходимое основание прочности и непоколебимости семейного существования и семейного положения вообще [7. С. 157]. Ну а в качестве этических начал традиционно при конструировании уголовно-правовых норм выступали религиозные каноны и правила – см. ст. 415, 418 Уложения 1903 г. Соответственно, в качестве дополнительного объекта защиты в этих случаях выступали религиозные интересы.

В какой мере религиозные интересы и ценности проявили себя в конструкциях норм, закреплённых девятнадцатой главе Уложения 1903 г.? Всё познаётся в сравнении, поэтому полезно ещё раз сопоставить Уложение 1885 г. и Уложение 1903 г., но уже под новым углом зрения.

VII. Религиозные интересы и ценности как дополнительный объект посягательства при совершении преступных деяний против прав семейственных, предусмотренных в Уложении 1885 г. и Уложении 1903 г.

В ряде статей Уложения 1885 г. вопросы семейных отношений непосредственно или опосредованно увязаны с соблюдением религиозных канонов: запреты на вступление в брак лицам иных вероисповеданий, запреты кровосмесительных браков, запреты на вступление в брак с неблизкими родственниками, запреты прелюбодеяний и др. Причём в отдельных случаях религиозный интерес, формально являясь дополнительным объектом защиты, фактически оказывается основным – например, при запрете православному на вступление в четвёртый брак. Также надо отметить, что особое внимание в Уложении 1885 г. уделено обеспечению запретов в области семейных отношений, принятых в православии. Это проявилось в нескольких формах.

Во-первых, в том, что защищались специальные правила, установленные в православии. Так, лица православного исповедания за вступление в четвёртый брак привлекались к уголовной ответственности по ст. 1564, а лица иного исповедания уголовной ответственности не подлежали, независимо от того, каким по счёту был их очередной брак – при соблюдении условия, что предыдущий брак прекращён и выдержан необходимый срок после него (в противном случае могла наступать ответственность за иные преступления – см., напр., ст. 1554, 1555, 1558).

Данный уголовно-правовой запрет проистекал из православного канона. Русская православная церковь охотно благословляла первый брак. Второй – снисходительно разрешала при наличии веских причин. Третий – осуждала, но допускала «по нужде». Четвёртый считала невозможным ни при каких

обстоятельствах. Впервые четкое нормирование допустимого количества браков для православных христиан было зафиксировано в Стоглаве 1551 г.: «Четвертый бо брак законнии правила возбраняють; блудяй бо въ себѣ единомъ неправду сію имѣеть, а иже четвертаго брака яко рекше себѣ смесиль, поругается убо симъ, возбраняющимъ Божественнымъ священнымъ правиломъ, онъ убо иже разрушаетъ Божественныхъ и священныхъ правилъ, каковое имѣеть благочестіе, какова отвѣта ждеть на страшномъ Судѣ. Той убо самъ себѣ отлучай отъ славы Божіей» (гл. 23). Указанный памятник отечественного права представляет собой сборник решений Стоглавого собора 1551 г. Русской церкви; такое название («Стоглавый») данный акт получил потому, что первоначально состоял из 100 глав. Помимо прочих задач, он был направлен на унификацию церковных правил, обрядов, служб, а также разъяснял соотношение церковного и уголовного права и др. [18. С. 241–500]. Здесь для полноты картины полезно упомянуть, что в католицизме существовали и существуют более строгие подходы к возможности развода и вступления в новый брак (формально новый брак при живом супруге, с которым заключён первый брак, вообще не допускался¹ и не допускается) [19. С. 112–119], однако католики по Уложению 1885 г. за вступление в новый брак после расторжения предыдущего не наказывались, каким бы ни был по счёту очередной брак (если только речь не идёт о вступлении в новый брак без расторжения предыдущего, т.е. о многожёнстве или многомужестве).

Во-вторых, в том, что в некоторых случаях за аналогичные нарушения для православных было установлено более строгое наказание, нежели для представителей иных религий. Так, лицам православного исповедания за вступление в брак с нехристианами грозило в качестве наказания заключение в тюрьму на четыре месяца (ст. 1564), в то время как лицам римско-католического исповедания за такое же деяние – заключение в тюрьму лишь на два месяца и двадцать дней (ст. 1568). Также лица, исповедующие православие, наказывались за кровосмешение не только с родственниками по боковой линии до четвёртой степени родства, но и со свойственниками; при этом лица, принадлежащие к другим христианским исповеданиям, наказывались лишь за кровосмешение до второй степени родства (ст. 1594).

В-третьих, в том, что за некоторые преступления против семейственных прав священники православной церкви предавались церковному суду и на них налагалось наказание, предусмотренное в Уставе духовных консисторий, в то время как священники других церквей за аналогичные преступления несли ответственность перед светским судом и наказывались по Уложению 1885 г. Среди этих преступлений – совершение бракосочетания лица или лиц, уже состоящих в брачном союзе (ст. 1557), сочетание браком лиц,

¹ Между 1545 и 1563 гг. (т.е. в тот же период, когда проходил Стоглавый собор) в Тренто (ныне это север Италии) состоялся так называемый Тридентский собор – 19-й вселенский собор Католической церкви. Решением данного Собора в случае развода потерпевшей стороне было отказано в праве на повторный брак, если другая сторона была жива. При этом безбрачное сожительство осуждалось. См.: Трентский совет // Альфапедия. URL: https://alfapedia.ru/w/Council_of_Trent (дата обращения: 20.11.2023).

не достигших или превысивших установленного законом возраста, а также при недопустимой степени родства брачующихся (ст. 1574).

Такой порядок можно обосновать формально-юридически. В раздел I «О Священных правах и преимуществах Верховной Самодержавной Власти» Основных законов и учреждений государственных Российской империи была включена ст. 40 следующего содержания: «Первенствующая и господствующая в Российской Империи Вера есть Православная Восточная Грекороссийская» [10. С. 16].

Наряду с этим объяснение принятому порядку можно найти в идеологической формуле, выдвинутой президентом Петербургской академии наук (с 1818 г.) и министром народного просвещения Российской империи (с 1833 г.) графом С.С. Уваровым: «Православие – Самодержавие – Народность». Эта формула предполагала особый путь России. Задача, которую выдвигал министр, заключалась в том, чтобы «укрепить любезное Отечество на верном якорю, на твердых основаниях спасительного начала... Обращение настоящего и будущих поколений в соединенном духе Православия, Самодержавия и Народности составляет... одну из лучших надежд и главнейших потребностей времени» [20. С. 72].

Вместе с тем следует заметить, что по Уложению 1885 г. в некоторых случаях при совершении аналогичных деяний различалась ответственность христиан и лиц нехристианской веры. Так, христиане за вступление в новый брак при существовании прежнего привлекались к ответственности по ст. 1554, им грозила отдача в исправительные арестантские отделения (ч. 1), а при наличии квалифицирующих обстоятельств и более строгие наказания (ч. 2 и 3). Лица же иной веры при совершении такого же деяния привлекались к ответственности по ст. 1558, им грозило заключение в тюрьму, квалифицированные составы в ст. 1558 не предусматривались.

Разработчики проекта Уложения 1903 г. поясняли, что по вопросу ответственности за посягательства на религиозные ценности *стремились придерживаться воззрений действующего тогда законодательства, т.е. Уложения 1885 г.* Ими указывалось, что «религия и церковь являются одним из важнейших, основных, государственных и общественных устоев, охрана которого от злоумышленных на оный посягательств должна быть признана одной из наиболее важных задач карательной деятельности. Особенно же важно в России, где начала христианской веры и православная церковь, представляясь соединительным звеном, сплачивающим воедино её многочисленное и разнообразное население, придали нашему отечеству ту мощь, в силу которой оно занимает столь выдающееся в среде современных государств положение» [7. С. 50]. Это объяснение относилось к тем деяниям, которые в качестве основного объекта посягательства имели религию и церковь – «посягательства на ограждающие веру законы».

Однако если задаться вопросом, в какой мере нормы об ответственности за преступные деяния против прав семейственных основывались на религиозных ценностях и защищали православие и под этим углом зрения сравнить два упомянутых уложения, проступит их существенное отличие.

В девятнадцатой главе Уложения 1903 г. православные верующие полностью уравниены с христианами иных конфессий. Применительно к верующим законодатель вообще не использует термин «православные» или его синонимы. Фигурирует лишь более общее выражение – «лицо христианского вероисповедания». Причём оно используется лишь единожды, в ст. 415, где христианам запрещается вступление в брак с нехристианами. Во всех иных случаях ответственность брачующихся, членов семьи и приравненных к ним лиц не зависит от вероисповедания.

Характерно, что в Уложении 1903 г. не употребляется термин «атеист» или его синонимы («неверующий», «безбожник» и проч.). Между тем в правоприменительной практике мог бы возникнуть вопрос: атеист является нехристианином? Если да, то при вступлении с ним в брак христианин должен нести ответственность по упомянутой выше ст. 415. Если же термин «нехристианин» охватывает круг лиц иной веры, помимо христианской, то ответственность исключается. Однако законодатель в рассматриваемой главе (да и во всем правовом акте) выстраивает нормативные предписания так, словно лиц, не принимающих религию, не существует, хотя это, очевидно, не соответствовало действительности. Почему разработчики Уложения 1903 г. и законодатель заняли такую позицию? Возможно, для того, чтобы не поощрять отсутствие религиозности. А ещё, вероятно, потому, что любой человек по факту рождения или в силу обряда, проведённого над ним родителями в младенчестве, принадлежал тогда к какой-либо конфессии. Важен был этот формальный статус, а не внутренние убеждения и представления, которые изменчивы и которые сложно проверить. Существовала признаваемая правом процедура смены вероисповедания (принятия нового), но не было процедуры отказа от любой веры.

Подытоживая сказанное, приходим к выводу, что описанные в Уложении 1903 г. преступные деяния против семейственных прав заметно реже имели в качестве дополнительного объекта религиозные ценности по сравнению с Уложением 1885 г. Различие ответственности при посягательствах на семейственные права в зависимости от вероисповедания в новом уложении сведено к минимуму, хотя и полностью не устранено. Корпус новых норм в основном приобрёл светский вид. Духовные лица неоднократно указываются в качестве субъектов определенных преступлений, но это предопределено значительной ролью этой категории лиц в регистрации юридических фактов – заключения брака, рождения и смерти людей. При этом для духовных лиц предусмотрена та же ответственность, что и для служащих, выполняющих аналогичные функции (ст. 413, 425, 426). В некоторых случаях исключение по-прежнему сделано для духовных лиц православного вероисповедания – при нарушениях правил записи актов гражданского состояния, их хранения и тому подобному они не подлежат уголовной ответственности, а предаются церковному суду [7. С. 163–164].

Тем не менее в девятнадцатой главе Уложения 1903 г. определённые религиозно-нравственные начала, как и в действовавшем тогда законодатель-

стве, были положены в основу уголовно-правовых запретов и, следовательно, выступали дополнительным объектом посягательства при совершении семейственных преступлений. Это единобрачие, запрещение прелюбодеяния и кровосмесительных браков, недопущение браков по принуждению и обману. Причём всё перечисленное относится к христианским, православным принципам, по мнению разработчиков Уложения 1903 г., «в высшей степени важным для общежития». Однако для современных читателей религиозное происхождение правовых запретов не столь очевидно, как для наших предков, в школьную программу которых «Закон Божий» входил в качестве обязательного предмета изучения.

Список источников

1. Рубанова С.Н. Примечания к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации: понятие, значение и виды : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 20 с.
2. Сверчков В.В. Примечания к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации об освобождении от уголовной ответственности (наказания): юридическая природа и проблема применения // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 4. С. 259–266.
3. Пушкаренко А.А. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. // Российское законодательство X–XX веков. М., 1994. Т. 9. С. 248–249.
4. Поцелуев Е.Л. Уголовное уложение 22 марта 1903 г.: причины принятия и история создания // Известия вузов. Правоведение. 2003. № 3. С. 183–193.
5. Дудырев Ф.Ф. Разработка и принятие Уголовного уложения 1903 г. // Актуальные проблемы экономики и права. 2009. № 4. С. 193–197.
6. О составлении проекта Уголовного уложения Редакционной Комиссией под председательством статс-секретаря Фриша // Журнал Министерства юстиции. 1895. № 7. С. 56.
7. Юдина А.В. Объекты, цели и уровни сравнительно-правовых исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. 2014. № 1. С. 129–134.
8. Уголовное уложение. Объяснения к проекту Редакционной комиссии. СПб. : Гос. тип., 1895. Т. 4, гл. 17–18. 243 с.
9. Салманова Г.Д. Каноническое право // Системные технологии. 2013. № 1 (6). С. 113–117.
10. Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный : [в 15 т.]. 2-е изд. СПб. : Тип. Второго отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1833. Т. 1, ч. 1. 843 с.
11. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть общая: Пособие к лекциям / [Соч.] доц. С.-Петерб. ун-та и адъюнкт-проф. Воен.-юрид. акад. магистра Н.Д. Сергеевского. 9-е изд. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1911. 398 с.
12. Бернер А.Ф. Учебник уголовного права: Часть общая. Части общая и особенная: С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному. Т. 1. СПб. : Тип. Н. Тиблена и комп., 1865. 940 с.
13. Исаев М.М. Общая часть уголовного права Р.С.Ф.С.Р. Л. : Гос. изд-во, 1925. 199 с.
14. Минеева Т.Г., Романовская В.Б., Савченко И.В. Церковное судопроизводство в Российской империи. Чебоксары : Среда, 2020. 104 с.
15. Уголовное уложение. Объяснения к проекту Редакционной комиссии. СПб. : Гос. тип., 1895. Т. 1, гл. 1. 639 с.
16. Уголовное уложение. Объяснения к проекту Редакционной комиссии. СПб. : Гос. тип., 1895. Т. 2, гл. 2–7. 582 с.
17. Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая / читанные Н.С. Таганцевым. СПб. : Гос. тип., 1887. 380 с.

18. Стоглав // Российское законодательство X–XX веков. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А.Д. Горский. М. : Юридическая литература, 1985. С. 241–439.

19. Вишневский А.А. Расторжение брака в каноническом праве: формальный запрет при сущностном допущении // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. № 1. С. 112–119.

20. Уваров С.С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения // Река времён. Книга 1. М. : Река времен – Эллис Лак, 1995. С. 70–72.

References

1. Rubanova, S.N. (2011) *Primechaniya k stat'yam Ugolovnoy kodeksa Rossiyskoy Federatsii: ponyatie, znachenie i vidy* [Notes to the articles of the Criminal Code of the Russian Federation: Concept, meaning and types]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.

2. Sverchkov, V.V. (2013) *Primechaniya k stat'yam Ugolovnoy kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob osvobozhdenii ot ugolovnoy otvetstvennosti (nakazaniya): yuridicheskaya priroda i problema primeneniya* [Notes to the articles of the Criminal Code of the Russian Federation on release from criminal liability (punishment): legal nature and problem of application]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*. 4. pp. 259–266.

3. Pushkarenko, A.A. (1994) *Ugolovnoye ulozhenie 22 marta 1903 g.* [Criminal Code of March 22, 1903]. *Rossiyskoye zakonodatel'stvo X–XX vekov*. 9. pp. 248–249.

4. Potseluev, E.L. (2003) *Ugolovnoye ulozhenie 22 marta 1903 g.: prichiny prinyatiya i istoriya sozdaniya* [Criminal Code of March 22, 1903: Reasons for adoption and history of creation]. *Izvestiya vuzov. Pravovedenie*. 3. pp. 183–193.

5. Dudarev, F.F. (2009) *Razrabotka i prinyatie Ugolovnoy kodeksa 1903 g.* [Development and adoption of the Criminal Code of 1903]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*. 4. pp. 193–197.

6. Ministry of Justice, Russia. (1895) *O sostavlenii proekta Ugolovnoy kodeksa Rossiyskoy Imperii* [On the drafting of the Criminal Code by the Editorial Commission chaired by State Secretary Frisch]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. 7. p. 56.

7. Yudina, A.V. (2014) *Ob'ekty, tseli i urovni sravnitel'no-pravovyykh issledovaniy* [Objects, goals and levels of comparative legal research]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov*. 1. pp. 129–134.

8. Russia. (1895) *Ugolovnoye ulozhenie. Ob'yasneniya k projektu Redaktsionnoy komissii* [The Criminal Code. Explanations to the Draft of the Editorial Commission]. Vol. 4, Chapter 17–18. St. Petersburg: Gos. tip.

9. Salmanova, G.D. (2013) *Kanonicheskoye pravo* [Canon Law]. *Sistemnye tekhnologii*. 1(6). pp. 113–117.

10. Russian Empire. (1833) *Svod zakonov Rossiyskoy Imperii, povoleniem gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennyy* [The Code of Laws of the Russian Empire, compiled by order of the Sovereign Emperor Nicholas Pavlovich]. 2nd ed. Vol. 1(1). St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery.

11. Sergeevskiy, N.D. (1911) *Russkoye ugolovnoye pravo. Chast' obshchaya: Posobie k lektsiyam* [Russian Criminal Law. General Part: A Lecture Guide]. 9th ed. St. Petersburg: M. Stasyulevich.

12. Berner, A.F. (1865) *Uchebnik ugolovnoy prava: Chast' obshchaya. Chasti obshchaya i osobennaya: S primechaniyami, prilozheniyami i dopolnениями po istorii russkogo prava i zakonodatel'stva polozhitel'nomu* [Textbook of Criminal Law: General Part. General and Special Parts: With Notes, Appendices, and Supplements on the History of Russian Law and Positive Legislation]. Vol. 1. St. Petersburg: N. Tiblen and Co.

13. Isaev, M.M. (1925) *Obshchaya chast' ugovnogo prava R.S.F.S.R.* [General Part of Criminal Law of the RSFSR]. Leningrad: Gos. izd-vo.

14. Mineeva, T.G., Romanovskaya, V.B. & Savchenko, I.V. (2020) *Tserkovnoe sudoproizvodstvo v Rossiyskoy imperii* [Church Procedure in the Russian Empire]. Cheboksary: Sreda.

15. Russian Empire. (1895a) *Ugovnoe ulozhenie. Ob"yasneniya k projektu Redaktsionnoy komissii* [The Criminal Code. Explanations to the Draft of the Editorial Commission]. Vol. 1(1). St. Petersburg: Gos. tip.

16. Russian Empire. (1895b) *Ugovnoe ulozhenie. Ob"yasneniya k projektu Redaktsionnoy komissii* [The Criminal Code. Explanations to the Draft of the Editorial Commission]. Vol. 2(2–7). St. Petersburg: Gos. tip.

17. Tagantsev, N.S. (1887) *Leksii po russkomu ugovnomu pravu. Chast' obshchaya* [Lectures on Russian Criminal Law. General Part]. St. Petersburg: Gos. tip.

18. Gorskiy, A.D. (ed.) (1985) *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov* [Russian Legislation of the 10th–20th Centuries]. Vol. 2. Moscow: Yuridicheskaya literatura. pp. 241–439.

19. Vishnevskiy, A.A. (2011) *Rastorzhenie braka v kanonicheskom prave: formal'nyy zapret pri sushchnostnom dopushchenii* [Divorce in Canon Law: Formal Prohibition with Essential Assumption]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 1. pp. 112–119.

20. Uvarov, S.S. (1995) *O nekotorykh obshchikh nachalakh, mogushchikh sluzhit' rukovodstvom pri upravlenii Ministerstvom Narodnogo Prosveshcheniya* [On Some General Principles That Can Serve as Guidelines for Managing the Ministry of Public Education]. In: *Reka vremen* [The River of Time]. Vol. 1. Moscow: Reka vremen – Ellis Lak. pp. 70–72.

Информация об авторе:

Скобликов П.А. – доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: skoblikov@list.ru. ORCID: 0000-0001-7875-7036.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

P.A. Skoblikov, Doctor of Legal Sciences, Leading Research Fellow of the Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology Department at the Institute of State and Law, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: skoblikov@list.ru. ORCID: 0000-0001-7875-7036.

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.11.2023;
одобрена после рецензирования 22.02.2024; принята к публикации 16.12.2024.*

*The article was submitted 20.11.2023;
approved after reviewing 22.02.2024; accepted for publication 16.12.2024.*